ЦИКЛ «СОЛЬ И ПАМЯТЬ»

СОЛЯНОЙ КОРОЛЬ

КНИГА ПЕРВАЯ

СЕВЕРИН ЛЕД

РОМАН

18+

Северин Лёд
Соляной король

https://litres.ru/74745513
SelfPub; 2026

Аннотация

Авель Аске наследует соляной трон и долг на целый город, которого он не помнит. Гроссбух утверждает, что подпись поставил он сам — двадцать лет назад, когда ему было семь. Чтобы спасти сестру, Авель отдаёт память о матери. Чтобы спасти столицу, он должен отдать собственное имя. Но есть свидетельница, которая помнит всё, — и она единственная, кто может сказать, кто из них двоих врёт.

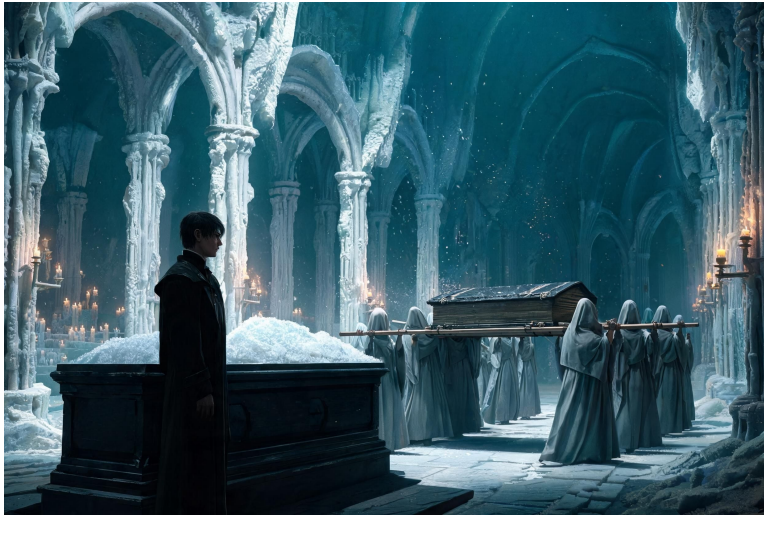
Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Северин Лёд
Соляной король

Глава 1

Глава 1
Соль на губах

Счёт № 0001. Кредитор: Вейр. Должник: Орлан Аске, король Сольгарда. Обеспечение: город. Срок: двадцать лет. По-

ручитель: сын.

Мой отец умер в день, когда соль подорожала на три марки, и это было единственное, что в тот день шло по плану.

Я стоял в Соляном соборе, в первом ряду, там, где пол был выложен белым камнем, а воздух так густо пах рассолом, что казалось, будто мы все находимся внутри огромной рыбы. Отец лежал в открытом гробу из чёрного дерева, набитом солью по грудь. Лицо ему прикрыли тонкой соляной вуалью — почти прозрачной, с двумя тёмными прорезями для глаз. Считалось, что так душа не выйдет наружу до окончания службы. На практике это означало, что я не мог смотреть ему в лицо и должен был прощаться с человеком, которого уже не было.

Я не плакал. В тот день во мне было слишком много соли, чтобы тратить воду.

Справа от меня стояла Мира, моя сестра, и держала меня за рукав, как будто я мог исчезнуть, если она отпустит. Ей было семнадцать; она играла на соляных колоколах в храме и считала, что музыка может исправить почти всё. Слева стоял дядя Кассиан, командующий Соляной гвардией, в парадном мундире, от которого пахло кожей и металлом. Он смотрел на гроб так, как смотрят на счёт, который наконец закрыли.

За нами — четыреста человек. Дом Вареен, дом Марр, дом Кель, полторы дюжины мелких торговых домов, которые пришли не столько проститься с королём, сколько посмотреть, кому достанется его доля. В Сольгарде похороны — это

не прощание. Это первое заседание нового правления.

— Ваше высочество, — прошептал Тео Марр, мой друг детства и младший писарь Гроссбуха, — вы стоите слишком прямо. Люди решат, что вы рады.

— Я и рад, — сказал я. — Наконец-то никто не будет спрашивать, почему я до сих пор не женат.

Тео издал звук, который при других обстоятельствах можно было бы назвать смехом.

Отец умер от белой порчи. Это было не позорно и не неожиданно: соляная кровь берёт своё. К шестидесяти годам у него окаменели две фаланги на левой руке, а потом соль подступила к горлу. Врачи говорили, что он не чувствовал боли. Я не верил врачам с тех пор, как один из них сказал мне в детстве, что соль на моей груди — «просто пятно».

Служба тянулась два часа. Пелись гимны, которые я знал наизусть с восьми лет. Жрецы кадили не ладаном, а сушёной солью с травами; от дыма щипало глаза, и многие в первых рядах украдкой вытирали слёзы, хотя я подозревал, что плачут они не по отцу.

Потом наступила тишина.

Патриарх Дорн, глава Церкви Счёта, поднялся на кафедру. Он был стар, сух и прям, как гвоздь, вбитый в доску. Его голос не нуждался в усилении.

— Орлан Аске, король Сольгарда, хранитель Гроссбуха, умер, не оставив неоплаченных счетов, — сказал он. — Это редкая смерть. Мы должны быть благодарны.

По толпе прошёл шорох. «Не оставив неоплаченных счетов» — в Сольгарде это звучало так же двусмысленно, как «он никому ничего не должен». Люди начали переглядываться. Я почувствовал, как Мира сильнее сжала мой рукав.

Двери собора открылись.

Восемь послушников в серых рясах внесли Гроссбух. Книга была огромной — в половину человеческого роста, в чёрном кожаном переплёте, с медными углами, потемневшими от времени. Её несли на деревянных носилках, как раненого. Внутри собора стало холоднее. Я не знаю, как это объяснить. Соль всегда забирает тепло.

Носилки поставили перед алтарём. Патриарх сошёл с кафедры, положил ладонь на переплёт и закрыл глаза. Все ждали.

Я знал, что будет дальше. В детстве я видел, как Гроссбух открывается на имени нового короля. Это длится несколько секунд: страницы начинают листаться сами, будто под ними ходит ветер, а потом на чистой странице проступает запись. Отец говорил, что это похоже на то, как рыба всплывает к поверхности: сначала пятно, потом тень, потом буквы.

Книга открылась.

Страницы перелистнулись — раз, другой, третий. Я смотрел на белые листы и вдруг почувствовал, как под ногтями у меня скрипит соль. Этого не было. Я стоял в парадном костюме, с чистыми руками, и всё же ощущение было таким отчётливым, что я сжал кулаки.

Гроссбух остановился.

На странице появилась строка. Жрецы наклонились. Патриарх Дорн читал молча, и его лицо не менялось — а потом он поднял голову и посмотрел прямо на меня. В его взгляде не было ни удивления, ни сочувствия. Только арифметика.

— Авель Аске, — сказал он. — Подойдите.

Я отпустил рукав Миры. Зал был так тих, что я слышал, как под потолком капает конденсат и как скрипит кожа на сапогах Кассиана.

Я подошёл к Гроссбуху. Теперь я видел запись.

Долг № 0001. Кредитор: Вейр. Должник: Авель Аске, сын Орлана. Обеспечение: город Сольгард. Срок: двадцать лет. Поручитель: отсутствует. Подпись: имеется.

Я знал, что должен что-то сказать. Что-то подобающее моменту — про волю отца, про долг перед империей, про соль, которая соединяет нас всех. Вместо этого я сказал:

— Это ошибка.

Патриарх не моргнул.

— Гроссбух не ошибается.

— Тогда он врёт.

По залу прошёл звук, похожий на вдох — один, общий, на четыреста человек. Я услышал, как леди Вареен произнесла что-то шёпотом; её сын Рэйв улыбнулся, и я запомнил эту улыбку.

— Прочитайте полностью, — сказал я. — Не только имя. Срок. Я был ребёнком двадцать лет назад.

Патриарх посмотрел на страницу, потом на меня. В его молчании было больше милосердия, чем в любом ответе.

— Двадцать лет назад, — сказал он, — вы были наследником. В Сольгарде наследник отвечает за долги короны с семи лет. Это закон.

— Я не подписывал.

— Подпись стоит.

Он развернул книгу ко мне.

Внизу страницы, под ровными строками писарского почерка, стояла подпись. Моя. Не та, которую я ставил на указах с шестнадцати лет, а детская, неуклюжая, с буквой «А», похожей на перевёрнутый треугольник. Я не помнил, чтобы так писал. Но рука узнала.

Пальцы у меня похолодели. Я потянулся к странице — не чтобы коснуться, просто чтобы убедиться, что это не сон, — и Патриарх не остановил меня.

Кожа Гроссбуха была тёплой.

В ту же секунду соль под моими ногтями вспыхнула — не болью, а памятью. Я увидел город. Не Сольгард: другой, незнакомый, с домами из белого камня, с улицами, засыпанными солью по колено. Над городом стояло серое небо, и в этом небе не было ни одной птицы. Я стоял на площади, я был маленьким — мне было семь, — и передо мной на коленях стояла женщина. Она что-то говорила. Я не слышал слов, только чувствовал, как её пальцы касаются моего лица. Потом её лицо стало расплываться — как отражение в воде,

в которую бросили камень. Я ещё видел её улыбку, но уже не мог разобрать черты. Она не кричала. Она смотрела на меня и улыбалась так, будто просила запомнить.

Я не запомнил.

— Ваше высочество.

Голос Патриарха вернул меня в собор. Я стоял, держась за край носилок. Меня тошнило. На левой ладони, от мизинца к запястью, проступила белая линия — тонкая, как след от бумажного пореза.

— Что это? — спросил я.

Патриарх посмотрел на мою руку.

— Долг, — сказал он. — Он всегда оставляет след.

В первом ряду поднялся Кассиан.

— Ваше святейшество, — сказал он спокойно, — позвольте уточнить. Речь идёт о долге короны или о личном долге моего племянника?

— О долге короны, — ответил Патриарх. — Но записан он на имя наследника. Такова воля короля Орлана.

— Мой брат не мог этого сделать.

— Подпись стоит.

— Подпись ребёнка, — сказал Кассиан. — Ребёнка, который не мог понимать, что подписывает.

— В Сольгарде это не имеет значения.

Кассиан повернулся ко мне. В его глазах не было гнева. Было что-то хуже: расчёт.

— Авель, — сказал он тихо, так, чтобы слышали только

первые ряды. — Откажись. Сейчас. Пока Гроссбух не закрыл запись. Я возьму долг на себя.

— Ты не можешь, — сказал я.

— Могу. Я старше тебя по крови и по праву. Если я назову себя поручителем, запись перепишут.

— И ты станешь должником города.

— Я стану королём, — сказал он. — Это разные вещи.

Вот оно. Я стоял в соборе, где лежал мой отец, с белой линией на ладони, и дядя предлагал мне сделку, которая выглядела как спасение, но пахла как переворот. Если я откажусь, он возьмёт долг и трон. Если соглашусь, я останусь наследником, у которого нет ничего, кроме имени.

Я посмотрел на Миру. Она была бледнее соли. За её спиной стоял Тео с папкой бумаг, и его руки дрожали так, что папка ходила ходуном.

— Я не откажусь, — сказал я.

Кассиан закрыл глаза. На мгновение мне показалось, что он действительно опечален.

— Тогда ты понимаешь, что это значит, — сказал он.

— Пока нет.

— Это значит, что до оплаты долга ты не можешь покидать Сольгард. Не можешь жениться без разрешения Церкви. Не можешь отчуждать землю, соль или людей. И каждый месяц будешь платить проценты.

— Чем?

Кассиан посмотрел на мою ладонь.

— Памятью, — сказал он.

Толпа снова вздохнула. Я слышал, как кто-то в задних рядах начал молиться. Патриарх Дорн сложил руки на переплёте Гроссбуха, и книга закрылась сама — медленно, как пасть.

Я стоял и думал о женщине из видения. О её лице, которое белело. О том, как она улыбалась, будто просила запомнить.

Я не запомнил.

Двери собора снова открылись.

На этот раз никто не вносил книгу. В проёме стояла женщина в сером плаще Ордена Свидетелей — невысокая, с коротко остриженными тёмными волосами и лицом человека, который давно перестал удивляться. На её левой щеке был тонкий белый шрам, похожий на след от соляной линии.

Она посмотрела на Гроссбух, потом на меня. В её глазах не было ни страха, ни почтения.

Она была ниже меня на полголовы. С её плаща капало на белый камень, и я почему-то смотрел не на плащ, а на её руки — тонкие, с коротко остриженными ногтями и белой соляной линией на левом запястье. Мне понадобилось слишком много времени, чтобы понять, что я просто не хочу отводить взгляд.

— Ваше высочество, — сказала она. — Меня зовут Ирма Кель. Орден направил меня для аудита долга.

У неё был низкий голос. В соборе он звучал тише, чем следовало, и от этого казался важнее.

— Аудит? — переспросил я. — Сейчас? На похоронах?

— Лучше сейчас, — сказала она. — Пока вы ещё помните, кто вы.

Она подошла ближе. От неё пахло дождём и бумагой. Кассиан сделал движение, чтобы остановить её, но Патриарх поднял руку.

Ирма остановилась в двух шагах от меня. Посмотрела на белую линию на моей ладони. Потом — прямо в глаза.

— Я помню за вас, — сказала она. — Всё, что вы подписали. Всё, что вы забыли. И всё, что вам ещё предстоит.

Я хотел ответить, но горло перехватило. Во рту был вкус соли — густой, металлический, как у страха.

— Кто вы? — спросил я.

— Свидетель, — сказала она. — И, судя по записи, единственный человек в этом соборе, который знает, кому вы на самом деле должны.

Она достала из-под плаща тонкую папку, перевязанную чёрной нитью, и протянула её мне.

— Что это?

— Ваш первый долг, — сказала Ирма. — И, если я не ошибаюсь, первая смерть, которую вы не помните.

Я взял папку. Наши пальцы встретились на шершавом картоне. Её рука была холодной, но я почувствовал тепло — короткое, как искра от кремня. Ирма отпустила папку первой.

Белая линия на ладони отозвалась холодом.

За окнами собора, над Серым морем, поднималось солнце

— белое, как соль, и такое же тихое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.